

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ*

Ц. ЦЭЦЭНБИЛЭГ

Кризис самоидентификации: сущность и формы

В данной статье я хотела бы, основываясь на работах и взглядах Э. Гидденса и З. Баумана, рассмотреть трансформации социальных идентичностей и представить концепцию «относительной масштабности». Черты современности, обозначенные З. Бауманом, мы выделили из его интервью, которое было дано им во время визита в Москву в апреле 2011 г. К чертам, или «знаковым переменным», современности, влияющим на идентичность, он относит следующие.

Неумолимая, навязчивая модернизация как сущность современности. Модернизация как непереносимое стремление к совершенству перестала рассматриваться как что-то безусловно желаемое.

Дискредитация идеи идеального строя. «Масштабы насилия оставили неизгладимый след на нашем представлении о своей природе и социальной организации. В частности, очень сильно потеряла в привлекательности мечта об идеальном строе, ведь мы знаем, к чему на самом деле ведут нас люди во власти или рвущиеся к ней»¹.

«Переход от общества производителей к обществу потребителей. Наши жизненные заботы и задачи смещаются со своей оси в том смысле, что все они оказываются как-то связанными с магазинами и рынками услуг»².

Отрицательная глобализация. Для нее характерны «стихийные потоки товаров и капитала, международная преступность, терроризм, торговля оружием и наркотиками. К положительной же глобализации я отношу силы, которые хотят установить на глобальном уровне эквиваленты национального государства. Мы ныне не имеем международного сообщества. Проблема в том, что терроризм глобален, а защита от него – нет. Международное право очень однобоко»³.

Ослабление государств. Так же, как и Ф. Фукуяма, утверждавший, что построение сильного государства – одна из наиболее важных проблем мирового сообщества⁴, З. Бауман выдвигает дилемму сильных государств. «Границы перестали оберегать государства от проникновения иных культурных образцов, капиталов, информации и так далее. Сейчас властям очень сложно сохранять контроль над экономическими, культурными и социальными условиями жизни граждан. Главной задачей сильных государств ныне является то, чтобы самим

* Работа выполнена в рамках проекта Международных конкурсов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Министерства образования, культуры и науки (МинОКН) Монголии «Изменения социальных идентичностей и социальной структуры России и Монголии в условиях трансформации», грант № 11-23-03001а.

приспособиться к меняющимся условиям. Это прямой результат глобализации и уничтожения охранной функции государства»⁵.

Различение могущества и политики. «Могущество – это наиболее адекватный перевод немецкого слова *Macht*, которое вовсе не тождественно власти. Дело в том, что понятие “власть” предполагает две составные части: собственно могущество, мощь, и политику. Мощь – это умение делать вещи, а политика – это умение решать, какие вещи должны быть сделаны. Обе эти составные части жили в доме, название которому – национальное государство. Но глобализация, раз начавшись, постепенно изменила соотношение сил. Мощь вдруг перестала связывать себя с национальным государством и вышла в наднациональное пространство – в пространство переливов, движений, напоминающее о реалиях Дикого Запада. Политика же осталась местной, как в давние времена. Поэтому мощь творит свои дела, будучи абсолютно свободной от политического контроля. Глобализируются пока только те силы, которые игнорируют государственные границы, местные права и обычаи, любые принципы и ценности. Например, финансовый капитал. Правительствам даже очень крупных стран не хватает рычагов управления, чтобы принудить эти силы подчиняться установленным правилам. И это очень опасная ситуация, потому что она заставляет нас жить в мире, где все может случиться, но ничего нельзя предпринять с уверенностью успеха»⁶.

Неэффективность старых политических структур, обусловленная тем, что «власть и политика, долгое время существовавшие друг с другом, разводятся. Власть улетучивается в экстерриториальное киберпространство, а политика остается территориальной. Увеличивается разрыв между тем, чем занимаются правительства в демократических странах, и тем, чем живут простые люди. Избиратели теряют интерес к политике, не веря, что власти способны решить их многочисленные каждодневные проблемы»⁷.

Отделение национальности от территории, распад «несвятой троицы» и усиливающаяся роль национальных и культурных диаспор. «Троица – это единство территории, нации и государства, которое более чем 200 лет определяло политическую карту мира. И вот, похоже, в XX в. оно дало сбой, планета начала преобразоваться в архипелаг диаспор. Все ушло в прошлое, государство и нация существуют сами по себе. На самом деле я верю, что распад “троицы” должен привести нас к чему-то лучшему. Прежде всего нужно понять, что как раньше не будет: эпоха, в которой наши предки требовали от мигрантов ассимиляции, требовали стать такими же, как они, ушла безвозвратно. Турки, работающие в Германии, хотят быть гражданами этой страны, но вы никогда не объясните им, почему они должны перестать быть турками. Люди больше не готовы отдавать свой культурный капитал в обмен на гражданство. Поэтому нужно придумывать новые способы

сосуществования. Представители диаспор страдают грехом двойной лояльности, непростительным в представлениях политиков столетней давности. Они лояльны по отношению к государству, в котором проживают, и лояльны по отношению к стране, из которой прибыли. И нет здесь противоречий»⁸.

Кризис самоидентификации. В свое время Жан-Поль Сартр выдвинул концепцию *projet de la vie* («проект жизни»). Ее суть в том, что «в раннем возрасте человек выбирает жизненный путь и старается ему следовать. Но сегодня культура, идеология и стиль жизни меняются так быстро, что молодежь не успевает даже что-то спланировать, а не то что реализовать планы. Поэтому наше общество — это не то, что можно назвать современным обществом. Я предлагаю говорить о *liquid modernity* (“неустойчивая современность”) вместо *solid modernity* (“надежная современность”). Понимаете, предыдущие поколения меняли мир с целью сделать его в конечном итоге неизменным. Такова была цель построения идеального общества, в том числе и коммунистического. Сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что особо не надеясь. Поэтому термин “постмодернити” я определяю как “модернити без иллюзий”. Иллюзии — это когда вы думаете, что, имея тысячу проблем и решив одну из них, вам останется решить “всего” девятьсот девяносто девять. На самом деле, решая одну проблему, вы создаете несколько новых. И этому нет конца»⁹.

Характерная для традиционных обществ локальная, малогрупповая идентификация в современном обществе расширяется до классового, национального и гражданского определения. В состоянии развода государства и политики, распада «троицы» З. Баумана, закономерен кризис свойственных индустриальному современному обществу механизмов и оснований идентичности, когда люди не могут соотнести себя с такими социальными общностями, как государство, нация, класс и даже пол.

Таким образом, нынешнее общество характеризуется состоянием крайней неопределенности, «междущарствия», коллапса и трансформации традиционных социальных институтов, что требует на личностном уровне постоянной готовности к изменениям, гибкости, пластичности, многовариативности возможностей и выбора.

Так как же люди ощущают, определяют себя и других в таких условиях зыбкости и неопределенности? Что лучше подходит для определения механизма формирования и изменения идентичности?

Изменчивость социальных идентичностей

Представляется, что вместо системы идентичностей, традиционных и фиксированных, культурно или социально-идеологически заданных, следует говорить о множестве идентичностей с ядром или суб-ядрами, состоящими из соотношения с референтными группами, людьми, близким кругом общения.

Многолетние исследования В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой подтверждают изменчивость социальных идентификаций. «При стабилизации социального самоопределения в кругу близких, вызывающих доверие и чувство некоторой защищенности, все иные идентификации, т.е. те, что связаны с большими социальными общностями, нестабильны. Обнаружилась крайне важная тенденция в сторону интернальности личности – готовности отвечать за себя, не надеясь ни на власти, ни на других вообще. Мы полагаем, что неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности *становится нормой* современных обществ, российского в том числе... наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот не следует драматизировать, но принимать как социальный факт. В теоретической терминологии можно именовать этот подход становлением контекстуально-лабильной идентификации как нормы самоопределения личности в социальном пространстве сообществ нового тысячелетия. Мы осмеливаемся предложить формулу предлагаемого подхода – «КЛН-идентификация», т.е. контекстуально-лабильная идентификация как социальная норма»¹⁰.

И.С. Кон также подчеркивает естественность неустойчивости и пластичности идентичностей: «В условиях быстро меняющегося общества неустойчивость и пластичность социальной и личной идентичности становятся закономерными и естественными. То, что мы привыкли считать “кризисом идентичности”, – не столько болезнь, сколько нормальное состояние личности, которую динамичные социальные процессы вынуждают постоянно “отслеживать” изменения в своем социальном положении и статусе, этнонациональных, семейных и гражданских самоопределениях. Условный, игровой, “перформативный” характер идентификаций распространяется даже на такие, казалось бы, абсолютные идентичности как *пол* и *гендер* (проблема смены пола, сексуальной ориентации и т.д.). Если в новое время проблема идентичности сводилась к тому, чтобы построить и затем охранять и поддерживать собственную целостность, то в современном мире не менее важно избежать устойчивой фиксации на какой-то одной идентичности и сохранить свободу выбора и открытость новому опыту»¹¹.

В социальной психологии на основе многочисленных исследований разрабатываются различные модели и концепции социальной идентичности¹². Наш интерес в свете рассматриваемого контекста привлекла де-индивидуация как модель социальной идентичности.

Де-индивидуация как модель социальной идентичности

Эта модель (SIDE) многомерна и основана на том, что самооценка является гибкой и различна в разных ситуациях или условиях¹³.

Она описывает структуру и динамику формирования идентичности личности. В качестве единиц измерения идентичности эта модель включает в себя расу, гендер, сексуальную ориентацию, религиозные убеждения, принадлежность к той или иной культуре и социальному классу. В центре данной модели находится ядро – «чувство Я», личностная идентичность человека. Воздействие внешних факторов (семейных, профессиональных, социокультурных и т.д.) приводит к изменениям в содержании тех или иных измерений идентичности. При этом степень влияния внешних («контекстных») факторов определяется различными характеристиками осмысления человеком собственной жизни: устойчивостью, глубиной и др. и регулируется личностными идентификациями человека, которые, таким образом, получают приоритет над социальными¹⁴.

Выделяются следующие направления для изучения социальной идентичности: 1) экспликация значения и функций личностной идентичности и ее связей с социальной идентичностью и прочими формами коллективного Я; 2) переосмысление социальной идентичности в качестве «многополюсного универсума интерактивных сетей», объединяющих тех членов группы, которые связаны особой корпоративной идентичностью внутри самой группы; тем самым группы и их идентичности рассматриваются не как монолитные и гомогенные, а как феномен, черпающий свою определенность из разнообразия составляющих его различных форм и определяющий это разнообразие; 3) изучение путей и способов влияния групп на составляющих эти группы индивидов¹⁵.

Как показывает множество исследований, гендерная и этническая идентичности являются центральными компонентами в структуре социальной идентичности личности, поскольку именно принадлежность к этническим и гендерным группам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации. Наряду с гендерной и этнической рассматриваются также возрастная, профессиональная и городская идентичности, которые связаны с важнейшими аспектами социального бытия личности¹⁶.

Можно рассматривать социальные идентичности в трех масштабах: крупный, средний, мелкий; или, переводя на социологическую терминологию: макро-, мезо- (то есть средний) и микроуровни. В зависимости от масштаба можно рассматривать следующие детерминанты, или сигнификаторы, социальных идентичностей.

На макроуровне историко-политического поля – империализм, колониализм, репрессии, гегемонии, коллективная память как способ конструирования истории, особенности презентации другим, акцентуации исторических процессов и фактов, модернизация, глобализация, комплекс «недоразвитости» (being undeveloped), проводимая государственная политика. На мезоуровне – социальные движения и общественные институты: идеология как гегемония доминантной

группы через восприятие и представление о референтных лидерах, средствах масс-медиа, процессы формирования социальных групп и защита своих интересов. На микроуровне – личностное переживание психофизиологических особенностей, своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, оценка своих социальных связей и принадлежности в терминах «Мы» и «Они», формирование диспозиционных установок, осознание и выбор целей, мотивов и смысложизненных установок и презентация социальных идентичностей. Если на макроуровне социальные идентичности зачастую являются «вымышленными» конструктами, то на микроуровне ее осмысление и переживание становится для личности реальностью, которая ведет к психологическому комфорту или конфликту, напряженности. Социальная идентичность, конструируемая на макроуровне, через деятельность общественных институтов и участие в социальных группах спускается вниз на микроуровень и интернализируется, и наоборот. Харизматическая личность, находя себе сообщников через активную пропаганду своих идей, формирует группы и легитимизируется и далее, добываясь доступа к власти и общественным ресурсам, получает возможность влиять на политику¹⁷.

В реагировании на внешние вызовы значимой представляется способность резильянса (способность быстро восстанавливать душевные силы, упругая деформация, эластичность, стойкость, жизнестойкость).

Трансформация социальных идентичностей затрагивает все социальные сферы: замена «краткосрочной» ментальности «долгосрочной», частая смена работы и трудоустройства, пространственная мобильность, эпизодичность и спонтанность межличностных отношений, повседневность дистанционных, отдельных браков, жизнь в Интернете, браки и знакомства через Интернет, гендерная относительность, усиление публичности личной жизни с одновременной анонимностью, использованием псевдонимов, вариативность самовыражений различными средствами, начиная от собственных блогов, еды, религиозных предпочтений, моды, определенных брендов, «уход в различные миры», в том числе фантазийные, и т.д. Прежние места поисков партнеров – религиозные учреждения, вечеринки и бары – вытесняются институтами, в которых обитает новое поколение, а именно офисной средой и Интернетом.

Происходит коренная трансформация социальных идентичностей. На протяжении сотен лет имелось значительное разделение по расовому признаку, однако сейчас оно, похоже, быстро исчезает. Но в то же время теперь люди могут выражать и выбирать индивидуальность, не предопределенную расой, вероисповеданием или датой рождения, они могут представить ее как воплощение жизненного опыта и убеждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из интервью с З. Бауманом // Огонек. 2011. 16 мая. № 19 (5178). – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1637429>

² Там же.

³ Бауман З. Стиль жизни // Итоги. 2011. 18 мая. – URL: <http://www.jewish.ru/style/press/2011/05/news994296487.php>.

⁴ Фукуяма Ф. Сильное государство. – М., 2006. – С. 5.

⁵ Бауман З. Стиль жизни.

⁶ Из интервью З. Баумана // Огонек. 2011. 16 мая. № 19 (5178).

⁷ Бауман З. Стиль жизни.

⁸ Из интервью З. Баумана // Огонек. 2011. 16 мая. № 19 (5178).

⁹ Бауман З. Стиль жизни.

¹⁰ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.

¹¹ URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/identichnost.html

¹² Хороший обзор их на русском языке см.: Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб., 2008. – С. 8 – 47.

¹³ Martin L., Spears R., de Groot D. Knowing Me, Knowing You: Anonymity Effects on Social Identity Processes within Groups // Personality and Social Psychology Bulletin 27 (5). – С. 526 – 537.

¹⁴ Abes E.S., Jones S.R., McEwen M.K. Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: The roles of meaning-making capacity in the construction of multiple identities // Journal of college student development. 2007. 48 (1). – P. 1 – 22.

¹⁵ Hogg M., Ridgeway C. / eds. Social Identity Theory: Sociological and Social Psychological Approaches. Special Issue of Social Psychology Quarterly. 2003. Vol. 66 (2).

¹⁶ См.: Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования.

¹⁷ См.: Цэцэнбилэг Ц. National Identity of Mongolians: Guest for Chinggis Khaan // Доклад на VI Международном конгрессе антропологической и этнологической наук. КНР, г. Кунмин. 2009; Цэцэнбилэг Ц. Национальные идентичности: структурация и контекстуализация // Социально-политические трансформации: идентичности и структурации в меняющемся мире. – Улан-Батор, 2009.